© А.И. Овечкин, Т.В. Тимохина

Научная статья
УДК 37.013

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

А.И. Овечкин, Т.В. Тимохина

Овечкин Артем Игоревич,
аспирант, Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево, Россия.
ORCID: 0009-0005-5497-9781
artyomove4kin@yandex.ru

Тимохина Татьяна Васильевна,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогического образования, Московский университет имени С.Ю. Витте; профессор кафедры педагогического и специального дефектологического образования, Российский новый университет, Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-1255-5073
timohina.tv@mail.ru

Аннотация. *В статье проводится сопоставительный анализ теоретических основ и практических методов гражданско-патриотического воспитания в России и зарубежных странах. Для сравнения выбраны представители западной педагогической традиции (США, Германия) и восточной (Китай). Актуальность темы обусловлена тем, что в современном меняющемся мире каждой стране важно найти баланс между сохранением национальных традиций и воспитанием современного активного человека, включенного в рамки умеренной глобализации. Цель работы заключается в выявлении общего и особенного в подходах к формированию гражданской идентичности в разных педагогических культурах для совершенствования современной российской системы образования. Методологической основой послужил анализ современных научных исследований. Результаты показывают существенные различия в целях воспитания. Западная модель носит прагматичный характер: основной упор делается на знание учащимися норм права, демократизацию образования и развитии профессиональных навыков для жизни в обществе. Главный инструмент такой системы— вовлечение в социальные проекты и волонтерскую работу. Восточная модель (на примере Китая) объединяет государственную идеологию с традиционной этикой, где главными ценностями выступают коллективизм, дисциплина и преданность интересам страны. Российская педагогика традиционно опирается на нравственный подход, рассматривая патриотизм как духовную ценность, любовь к Родине и бескорыстное служение ей, а не просто как исполнение гражданских обязанностей в нормативно-правовом аспекте. В заключении делается вывод, что отечественной системе*

воспитания необходимо сохранять свою духовно-нравственную основу. При этом полезно адаптировать зарубежные инструменты: западные технологии проектной деятельности и опыт Китая в системной государственной поддержке патриотического воспитания в цифровой среде.

Ключевые слова: *гражданско-патриотическое воспитание, сравнительная педагогика, гражданская идентичность, социальное проектирование, нравственное воспитание, коллективизм, молодежная политика, традиционные ценности.*

Библиографическая ссылка: *Овечкин А.И., Тимохина Т.В. Сравнительный анализ подходов к гражданско-патриотическому воспитанию в отечественной и зарубежной педагогике // ЦИТИСЭ. 2026. № 2. С. 56-67.*

Research Full Article
UDC 37.013

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO CIVIC AND PATRIOTIC EDUCATION IN DOMESTIC AND FOREIGN PEDAGOGY

A. I. Ovechkin, T. V. Timohina

Artem A. Ovechkin,
Postgraduate Student, State Humanitarian and Technological University, Orekhovo-Zuyevo, Russian Federation.
ORCID: 0009-0005-5497-9781
artyomove4kin@yandex.ru

Tatiana V. Timohina,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogical Education, Moscow State University named after S. Yu. Witte; Professor of the Department of Pedagogical and Special Defectological Education, Russian New University, Moscow, Russian Federation.
ORCID: 0000-0003-1255-5073
timohina.tv@mail.ru

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the theoretical foundations and practical methods of civic and patriotic education in Russia and foreign countries. Representatives of the Western pedagogical tradition (USA, Germany) and the Eastern tradition (China) were selected for comparison. The relevance of the topic stems from the fact that in the modern changing world, it is crucial for every country to find a balance between preserving national traditions and cultivating a modern, active citizen integrated into the framework of moderate globalization. The aim of the study is to identify common and specific features in approaches to forming civic identity across different pedagogical cultures in order to improve the modern Russian education system. The*

methodological basis of the work rests on the analysis of contemporary scientific research. The results demonstrate significant differences in the goals of upbringing. The Western model is pragmatic in nature: primary emphasis is placed on students' knowledge of legal norms, the democratization of education, and the development of professional skills for life in society. The main tool of this system is engagement in social projects and volunteering. The Eastern model (exemplified by China) combines state ideology with traditional ethics, where the core values are collectivism, discipline, and devotion to the interests of the country. Russian pedagogy traditionally relies on a moral approach, viewing patriotism as a spiritual value, love for the Motherland, and selfless service to it, rather than merely the fulfillment of civic duties in a legal context. The conclusion argues that while the domestic system of upbringing must preserve its spiritual and moral foundation, it is beneficial to adapt foreign tools: Western project-based learning technologies and China's experience in systemic state support of patriotic education within the digital environment.

Keywords: *civic and patriotic education, comparative pedagogy, civic identity, social design, moral education, collectivism, youth policy, traditional values.*

For citation: Ovechkin, A. I., & Timokhina, T. V. (2026). Comparative analysis of approaches to civic and patriotic education in domestic and foreign pedagogy. *CITISE, 2,* 56–67. (In Russian).

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется высокой степенью геополитической нестабильности, трансформацией международных отношений и переходом к многополярному мироустройству. В этих условиях образование перестает быть сферой исключительно передачи знаний и приобретает статус ключевого фактора обеспечения национальной безопасности и культурного суверенитета каждого государства. Вопросы формирования гражданской идентичности и патриотизма выходят на первый план как в российской, так и в зарубежной педагогической повестке, что делает данное исследование особенно актуальным [7].

Глобализация и цифровая трансформация общества создали новые вызовы для традиционных систем воспитания. С одной стороны, наблюдается размывание национально-культурных границ и трансляция унифицированных ценностей массовой культуры, что затрудняет процесс самоидентификации молодежи [18]. С другой стороны, ведущие мировые державы (США, КНР, страны ЕС) усиливают акцент на воспитании лояльного собственной политической системе гражданина, используя для этого различные педагогические возможности.

В отечественной педагогике гражданско-патриотическое воспитание традиционно рассматривается через призму аксиологического подхода, где доминируют духовно-нравственные ценности и историческая память [4]. Однако современные реалии требуют дополнения этой базы эффективными технологиями социализации, способными вовлечь современную молодежь в реальную созидательную деятельность. В этой связи особый научный интерес представляет сравнительный анализ зарубежного опыта.

Страны Запада (прежде всего США и Германия) накопили значительный опыт в реализации программ гражданского образования, ориентированных на развитие правовой культуры и навыков социального проектирования [22]. В свою очередь, страны Востока, в частности Китайская Народная Республика, демонстрируют успешный опыт интеграции традиционной этики и современной идеологии в условиях цифровизации общества, формируя модель «органического патриотизма» [20].

Проблема исследования заключается в противоречии между необходимостью модернизации технологий гражданско-патриотического воспитания в России для повышения

их эффективности в молодежной среде и недостаточной изученностью возможностей адаптации зарубежного опыта (как западного, так и восточного) без ущерба для традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Цель статьи — на основе сравнительного анализа выявить ключевые содержательные и технологические различия в подходах к гражданско-патриотическому воспитанию в России, странах Запада и Китае, определив перспективы применения зарубежных практик для обогащения отечественной педагогической системы.

Методологическая основа исследования базируется на принципах системного и культурологического подходов, позволяющих рассматривать воспитательные системы не изолированно, а в контексте социокультурных и исторических традиций конкретных стран [10]. Для реализации цели статьи был применен комплекс общенаучных и специально-педагогических методов.

Ведущим методом выступил сравнительно-сопоставительный анализ, который позволил выявить общее и особое в образовательных стратегиях России, стран Запада (США, Германия) и Востока (КНР) [4].

Сравнительный анализ проводился по трем ключевым критериям, выделенным на основе постановки педагогических целей:

1. Телеологический (ценностно-целевой) критерий: определение идеала гражданина, доминирующих ценностей и стратегических целей воспитания.
2. Содержательный критерий: компоненты гражданской идентичности (когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностный), приоритетные направления (историческое, правовое, моральное) [3].
3. Технологический (инструментальный) критерий: используемые педагогические технологии, формы вовлечения молодежи в социальную практику, роль цифровой среды и государственных институтов [16].

Такая структура анализа позволяет избежать поверхностного копирования зарубежного опыта и выделить те элементы, которые могут быть органично интегрированы в российскую педагогическую традицию без разрушения ее культурного кода [14].

Проведенный системный анализ позволяет констатировать, что в современном глобальном образовательном пространстве конкурируют три макрорегиональные стратегии формирования гражданской идентичности. Данные стратегии, хотя и имеют общие точки соприкосновения в виде использования цифровых инструментов и проектных методик, базируются на принципиально различных коренных основаниях, определяющих вектор педагогической деятельности и образ желаемого будущего для конкретной культуры

Первая стратегия, доминирующая в странах Запада (прежде всего в США и Германии), может быть охарактеризована как либерально-прагматическая модель. Генетически она восходит к философии прагматизма Дж. Дьюи и теории общественного договора, утверждая концепцию «договорного гражданства». В этой парадигме отношения личности и государства строятся на взаимных, рационально обоснованных обязательствах и безусловном превосходстве прав индивида над интересами коллектива. В современном западном педагогическом дискурсе традиционное понятие «патриотизм» все чаще подвергается деконструкции, уступая место более нейтральным и универсалистским конструктам, таким как «глобальное гражданство» и «демократическое участие» [24]. Происходит сдвиг от воспитания обязанного гражданина к воспитанию активного гражданина, для которого гражданская активность является способом самовыражения, а не исполнением предписанных правовых норм.

Специфика западного подхода заключается в его подчеркнутой опоре на инструментарий: гражданские качества здесь рассматриваются как набор универсальных компетенций или «софт скиллс» (коммуникация, критическое мышление, цифровая грамотность), необходимых для успешной карьеры и социальной адаптации в конкурентной

среде. Важной чертой является акцент на инклюзивность и мультикультурализм, смещающий фокус с национальной идентичности на толерантность, принятие разнообразия и защиту прав меньшинств. Однако, как показывают исследования, в условиях миграционного кризиса и социальной поляризации это нередко приводит к стойкому противоречию: стремление к абсолютной инклюзии оборачивается размыванием национального культурного ядра и атомизацией общества, когда граждане объединены лишь формальными правовыми рамками, но не общей судьбой. Институционально данная модель реализуется через дисциплины гуманитарного цикла и технологии «обучения через служение».

Принципиально иной, альтернативный вектор демонстрирует коллективистская модель, наиболее ярко и системно представленная в Китайской Народной Республике. Восточный подход являет собой уникальный пример педагогического научного синтеза, где современная марксистско-ленинская идеология органично накладывается на тысячелетнюю матрицу конфуцианской этической модели. В отличие от западного индивидуализма, китайская модель базируется на принципе строгой иерархии, социальной гармонии и первостепенности интересов общества, рассматривая государство не как аппарат насилия или поставщика услуг, а как большую семью. Современная доктрина воспитания в КНР, концептуально оформленная в идее о великом возрождении нации, требует от молодежи не просто формальной лояльности, а деятельного, жертвенного участия в государственной жизни [25].

Характерными чертами восточной модели являются идеологическая монолитность и непрерывность: воспитательный процесс пронизывает все уровни образования, от детского сада до университета, формируя единое ценностное поле. Примечательно, что Китай активно и без колебаний использует передовые технологии для укрепления идеологического контура: цифровые платформы и приложения применяются для мониторинга и геймификации идеологической активности студентов, что способствует формированию дисциплинированного, управляемого, но при этом высокомотивированного гражданина.

Российская педагогическая традиция формирует третий, самостоятельный цивилизационный путь — духовно-аксиологическую модель. В ее основе лежат идеи русской религиозной философии и педагогической антропологии, где патриотизм трактуется как глубокая духовная категория, как любовь и бескорыстное служение, а не как социальный контракт (Запад) или жесткая дисциплина (Восток) [5].

Современная трансформация российской модели связана с преодолением кризиса деидеологизации 1990-х годов, отказом от рыночной парадигмы «образовательной услуги» и возвращением воспитанию статуса общенациональной миссии. Это стратегическое переосмысление закреплено в нормативных документах, утверждающих приоритет традиционных духовно-нравственных ценностей в воспитательной работе [12].

Ключевой особенностью отечественного подхода выступает его выраженная опора на историю государства. В российской обществе история — это не просто хронология событий, а пространство смыслов, определяющее общенациональную культуру. Гражданская идентичность формируется через личную сопричастность к «великой истории» и защиту исторической правды, прежде всего памяти о Великой Отечественной войне, которая становится нравственным стержнем нации и сакральным основанием единства [6]. Особая роль отводится трансляции ценностей (феномен «Бессмертного полка»), что отличает российский подход от западного разрыва поколений и восточного административного коллективизма.

Таким образом, сравнительный синтез выявляет фундаментальное расхождение в постановке целей воспитания, которое невозможно игнорировать при заимствовании педагогических технологий той или иной стороны. Российская система является во многом промежуточной между индивидуалисткой западной моделью и коллективисткой всточной.

Это делает отечественную систему наиболее гуманистичной и цельной по своей внутренней сути, обращенной к душе ребенка, но одновременно ставит перед ней сложнейшие задачи по поиску адекватных современных форм реализации этих высоких смыслов, чтобы избежать чрезмерной идеологизации [16].

Углубляя компаративный анализ, необходимо обратиться к историко-культурным детерминантам, сформировавшим описанные выше модели в рамках ролей: «Личность — Общество — Государство».

Западная либерально-прагматическая модель, эволюционировавшая в русле протестантской этики и философии Просвещения, исторически сформировала идеал экономически независимого человека, нацеленного на организацию собственного хозяйства или бизнеса. В этой парадигме воспитание гражданственности неизбежно приобретает характер правового просвещения. Образовательная система США и стран Западной Европы исходит из презумпции автономности личности, где главная добродетель — это способность отстаивать границы собственной свободы перед государством. В условиях постмодерна этот подход сталкивается с серьезным кризисом идентичности: отказ от общей идеологии и религиозного единства в пользу критической деконструкции истории и индивидуализма приводит к тому, что молодежь теряет чувство общности, необходимой для безопасности государства. Это создает риск воспитания поколения «граждан мира», не имеющих глубокой привязанности к конкретной культурной почве, которые не способны к жертвам собственных интересов для общественного блага.

В противовес этому, восточная (китайская) модель демонстрирует удивительную устойчивость именно благодаря опоре на традицию, уходящую корнями в систему государственных экзаменов Кэцзюй. В конфуцианской, а ныне и в социалистической педагогике Китая, образование воспринимается не как право, а как привилегия и долг перед родом и страной. Учитель — не партнер по дискуссии, а носитель эталонного знания и морального авторитета, требующий безусловного почтения. Гражданско-патриотическое воспитание в КНР базируется на концепции «гармоничного общества», где индивидуальный успех легитимен только тогда, когда он способствует процветанию коллектива. Такой подход позволяет государству эффективно мобилизовать молодежь на решение масштабных задач модернизации. Тем не менее, жесткий коллективизм и высочайшая конкуренция в системе образования порождают свои риски: колоссальное психологическое давление на личность и опасность формирования конформного мышления, когда гражданская активность сводится к ритуальному исполнению предписанных норм без внутренней рефлексии [23].

Российская модель, находящаяся в процессе сложного синтеза широкого исторического опыта, занимает уникальную нишу. Ее глубинным основанием выступает принцип соборности — специфической формы единения людей, основанной не на формальном договоре (как на Западе) и не на административном подчинении (как на Востоке), а на общности духовных устремлений и нравственных ценностей. В отечественной педагогической антропологии, представленной трудами К.Д. Ушинского и В.А. Сухомлинского, учитель всегда рассматривался как «инженер человеческих душ» и нравственный ориентир.

Ключевым водоразделом между рассматриваемыми системами является отношение к категории «Другого» и образу будущего. Западная педагогика толерантности учит сосуществованию с «Другим» через установление дистанции и уважение границ. Китайская педагогика стремится ассимилировать «Другого» или четко разграничить «свой — чужой» для защиты культурного суверенитета. Российская же традиция, исторически формировавшаяся в условиях многонациональной империи, выработала уникальный опыт «дружбы народов» — не просто терпимости, а взаимопроникновения культур при сохранении единого цивилизационного стержня. Это качество сегодня становится важнейшим педагогическим ресурсом в борьбе с экстремизмом и национализмом [8].

Кроме того, анализ показывает существенное различие в подходах к работе с травматическим историческим опытом. В западной (особенно германской) модели доминирует «педагогика вины» и покаяния, направленная на предотвращение рецидивов тоталитаризма, что зачастую формирует у молодежи комплекс исторической неполноценности. В китайской модели акцентируется внимание на «веке унижения» со стороны колониальных держав как стимуле для национального реванша и возрождения, что заряжает воспитание мощной энергией преодоления. Российский подход в последние годы смещается от самобичевания 1990-х годов к «педагогике триумфа и трагедии», где история воспринимается целостно, а патриотизм строится на принятии как великих побед, так и тяжелых испытаний, без отказа от своих предков [1].

Таким образом, сравнительная характеристика позволяет утверждать, что современная конкуренция образовательных систем — это не соревнование учебных планов, а битва понятийного аппарата разных систем. Запад предлагает привлекательную идею свободы самовыражения, Восток — идею порядка и величия, Россия же предлагает миру идею справедливости и сохранения человеческого в человеке через служение высшим ценностям. Главный вызов для отечественной педагогики сегодня заключается в том, чтобы найти адекватный педагогический язык для трансляции этих традиционных смыслов, избежав при этом скатывания в архаику или бюрократический формализм, который способен дискредитировать любую, даже самую возвышенную идею в глазах подрастающего поколения [15].

В образовательных системах стран Запада (США, Великобритания, Германия) доминирующим технологическим трендом является переход от пассивной передачи знаний о государстве к деятельностным практикам, известным как «обучение через служение». Данная технология принципиально отличается от традиционного гражданского воспитания тем, что обязательным компонентом деятельности выступает академическая рефлексия: обучающиеся не просто участвуют в экологических акциях или помощи нуждающимся, но и анализируют социальные причины проблем, связывая их с курсами права, социологии или политологии. Эффективность данного подхода подтверждается исследованиями, фиксирующими рост гражданской субъектности и социальной ответственности у студентов, вовлеченных в такие программы [19]. Кроме того, западная педагогика активно использует имитационные технологии и социальное моделирование, такие как «Модель ООН» или школьные парламенты, которые выступают тренажерами демократических процедур, формируя навыки дебатов, поиска компромиссов и отстаивания собственной позиции в правовом поле. [26].

Китайский опыт уникален успешной интеграцией традиционных ритуальных практик и передовых цифровых решений. С одной стороны, активно используется технология «красного туризма» — массовые образовательные путешествия школьников и студентов по местам боевой и революционной славы, что обеспечивает эмоционально-чувственное проживание истории и связь поколений. С другой стороны, КНР является мировым лидером в цифровизации идеологической работы [21].

Российская практика последних лет характеризуется интенсивным поиском собственного технологического уклада, сочетающего восстановление лучших традиций советской школы с современными сетевыми форматами. Ключевым результатом трансформации стало преодоление фрагментарности воспитательного пространства через создание единых институциональных операторов, таких как РДДМ «Движение первых» и программа «Орлята России». Уникальной российской технологией, не имеющей прямых аналогов за рубежом, является поисковое движение, где воспитание происходит через соприкосновение с материальными свидетельствами войны, что оказывает мощнейшее экзистенциальное воздействие на личность подростка [11]. Также активно внедряется формат «разговоров о важном», представляющий собой попытку институционализации

ценностного диалога в школе. Однако, в отличие от западной модели, ориентированной на проектную прагматику, и китайской, опирающейся на цифровую дисциплину, российские технологии пока находятся в стадии активной апробации, сталкиваясь с вызовом необходимости перевода традиционных смыслов на язык, понятный цифровому поколению, без утраты их глубины. [13].

Таким образом, результаты сравнительного анализа показывают, что если Запад фокусируется на технологии формирования компетенций для жизни в гражданском обществе, а Китай — на технологиях идеологической мобилизации и контроля, то Россия развивает технологии ценностно-смысловой коммуникации и исторической реконструкции. Это подтверждает тезис о том, что выбор педагогического инструментария не является техническим вопросом, а выступает прямым следствием цивилизационного выбора модели развития общества.

Обобщение полученных в ходе компаративного исследования данных позволяет перейти к аналитической интерпретации выявленных тенденций и определению стратегических векторов развития отечественной педагогики. Сопоставление трех цивилизационных моделей — либерально-прагматической (Запад), коллективисткой (Восток) и духовно-аксиологической (Россия) — приводит к выводу о невозможности прямого, некритичного трансфера зарубежных практик на российскую почву. Как справедливо отмечают исследователи глобального гражданского образования, универсалистские модели, игнорирующие локальный культурный контекст, неизбежно ведут к отторжению смыслов и имитации деятельности [17]. Фундаментальное различие в концептах воспитания создает риски: западный акцент на примате индивидуальных прав и контрактных отношениях с государством вступает в когнитивный диссонанс с традиционным для российской ментальности пониманием служения и соборности, а жесткая регламентация китайской модели может конфликтовать с потребностью современного общества в творческой свободе. Следовательно, механизм заимствования должен носить характер культурной адаптации, при которой инструментальные технологии отделяются от их идеологического наполнения и интегрируются в ценностное ядро национальной системы.

Вместе с тем, анализ показывает, что изоляционизм в вопросах педагогических технологий контрпродуктивен. Западная модель, несмотря на ее аксиологические риски, предлагает высокоэффективный инструментарий субъект-субъектного взаимодействия. Технологии социального проектирования, отработанные в системах образования США и Европы, позволяют решить острую для российской школы проблему формализма. Интеграция этих методик — при условии их наполнения отечественным ценностным содержанием — способна трансформировать пассивное «знание о патриотизме» в деятельную гражданскую позицию. При этом важно учитывать специфику образовательной среды: формирование гражданственности должно происходить не изолированно, а в рамках целостного воспитательного пространства образовательной организации, защищенного от деструктивного внешнего влияния [2]. Российскому образованию необходимо научиться использовать прагматичные инструменты для достижения духовных целей, превращая социальную активность молодежи не в карьерный лифт, а в форму нравственного поступка.

Опыт Китайской Народной Республики представляет не меньший интерес, прежде всего в аспекте обеспечения государственного суверенитета в образовательном пространстве. Китайская практика демонстрирует, что в эпоху информационных войн воспитание не может быть отдано на откуп внешним цифровым платформам. Успех КНР в создании суверенной цифровой экосистемы подтверждает необходимость усиления роли государства как гаранта сохранения исторической памяти. Для России этот опыт актуален в части создания качественного, конкурентоспособного отечественного цифрового контента, который мог бы стать альтернативой влиянию индивидуалисткой глобализации. Однако

развитие цифровых инструментов не должно подменять живое общение и наставничество, которые остаются фундаментом отечественной традиции в педагогике.

Таким образом, стратегическим ориентиром для развития системы гражданско-патриотического воспитания в Российской Федерации должно стать сохранение ее уникального суверенитета, базирующегося на духовности, исторической преемственности и идее служения Отечеству. Современная российская модель должна эволюционировать в сторону «умного патриотизма», сочетающего фундаментальные смыслы с передовыми педагогическими технологиями, в том числе с использованием цифровых ресурсов. На основании проведенного исследования можно сформулировать ключевые выводы. Во-первых, необходима гармонизация воспитательного воздействия через преодоление разрыва между школьными форматами и цифровой реальностью. Во-вторых, целесообразно переосмысление роли проектной деятельности: от написания отчетов к реальному социальному действию. В-третьих, важнейшей задачей является формирование у педагогов компетенций в области сравнительной педагогики, чтобы они могли аргументированно транслировать ценности суверенного развития. Итогом должно стать формирование личности, сочетающей современную конкурентоспособность с преданностью интересам России, что в современных условиях рассматривается научным сообществом как ключевой фактор обеспечения национальной безопасности государства [9].

Список источников:

1. Аббасзаде А.Ф. Военно-патриотическое воспитание школьников во внеурочное время // Академическая публицистика. 2022. № 12-2. С. 494-502. URL: https://www.elibrary.ru/llgfbn
2. Ахкиямова Г.Р., Хасанова А.Р. Перспективные направления патриотического воспитания // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. С. 19-22. URL: https://www.elibrary.ru/ttyhkh
3. Барабанщикова В.В., Иванова С.А. Ценностная ориентация «патриотизм»: сущность, содержание и оценка сформированности // Национальный психологический журнал. 2023. № 4. С. 99-112. DOI: https://doi.org/10.11621/npj.2023.0409
4. Беляев Г.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание в современном мире // Нижегородское образование. 2022. № 1. С. 4-15. URL: https://www.elibrary.ru/akyunp
5. Бигнова М.Р., Данилова О.А., Морусова Л.В. Ключевые аспекты патриотического воспитания: от образов к методам // Наука, образование и культура. 2023. № 3 (66). С. 11-20. URL: https://www.elibrary.ru/fhueex
6. Бобылева Н. Ю. Культурное наследие как средство воспитания патриотизма у учащейся молодёжи // Сохранение отечественных культурных традиций как основа развития творческого потенциала молодежи: Материалы X Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Орел: Орловский государственный институт культуры, 2025. — С. 186-190. URL: https://www.elibrary.ru/auqkro
7. Богомолова А.В., Пикалова О.С., Найденова Е.А. Формирование гражданской идентичности молодого поколения: результаты анализа фокус-групп с педагогическим сообществом // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 1. С. 16-22. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2024.1.1
8. Буранок С.О., Токмакова П.Д. Подходы к формированию гражданской идентичности в образовательном процессе // Studia Humanitatis. 2021. № 3. С. 6. URL: https://elibrary.ru/mnwhph
9. Джагаева Т.Е. Формирование духовно-патриотических ценностей молодежи в условиях национально-образовательной среде — педагогическая проблема // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2024. № 6. С. 16-20. URL: https://www.elibrary.ru/druzpt

10. Игнатенко А.Н., Сакун С.А. Патриотизм истинный и псевдопатриотизм // Инновационная наука. 2022. № 2–1. С. 64–68. URL: https://elibrary.ru/imbrwa

11. Калинина С.А., Никифорова Р.Р., Савандеева Л.Н. Патриотическое воспитание младших школьников через различные виды деятельности // Молодой ученый. 2023. № 18 (465). С. 242-245. URL: https://www.elibrary.ru/eydgcz

12. Макарова В.А. Роль народных традиций в патриотическом воспитании детей // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 258-261. URL: https://www.elibrary.ru/wslkdu

13. Максимова Е.А., Филоненко М.В. Патриотическое воспитание школьников // Вестник научных конференций. 2023. № 3-3 (91). С. 76-78. URL: https://www.elibrary.ru/ejstfu

14. Милькевич О.А., Рябцев А.В. Формирование традиционных духовнонравственных ценностей личности: анализ проблемы // Гуманитарные науки. 2023. № 2 (62). С. 31-36. URL: https://www.elibrary.ru/twacvl

15. Миназова В.М., Магомедова З.З., Аушева М.Б. Технологии формирования гражданской идентичности подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-2. С. 134-137. URL: https://elibrary.ru/objzpr

16. Мордвинова Е.А. Аксиологический подход к разработке программно-методического обеспечения гражданско-патриотического воспитания подростков // Поволжский педагогический вестник. 2023. Т. 11, № 3(40). С. 66-77. URL: https://www.elibrary.ru/jordhl

17. Панин Д.Ю. Воспитание гражданина-патриота: теоретический аспект // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13, № 4. С. 49–56. DOI: https://doi.org/10.7442/2071-9620-2021-13-4-49-56

18. Сиднев Д.В. Становление и развитие культуры патриотизма: теоретические подходы и современные интерпретации // Вестник науки. 2025. Т. 5, № 8(89). С. 197-207. URL: https://www.elibrary.ru/jcxyzg

19. Щиголева Н.В. Формирование патриотизма как психолого-педагогическая проблема // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 318-323. URL: https://elibrary.ru/djorvk

20. Austers I., Dimdins G., Priedols M. The opposing roles of patriotism and nationalism in explaining trust in a political system // Social Sciences & Humanities Open. 2024. Volume 10. P. 1-7. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101131

21. Bykasova L., Garmash S., Podberezny V. Pedagogical Education Modernisation in the University. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 646. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference “Current Problems of Social and Labour Relations”. ISPC-CPSLR. 2021. P. 80-86.

22. Erdogdu M.Yu. Yuksel Roles of achievement, impulsecontrol, gender, and democratic parenting as predictors of friendship quality among students // Social Psychology and Society. 2022. No.13, P. 174-188. URL: https://elibrary.ru/bxsjnf

23. Houtman D., Tromp P. The Post-Christian Spirituality Scale (PCSS): Misconceptions, Obstacles, Prospects. In: Assessing Spirituality in a Diverse World. - Switzerland: Springer, 2021. - P.35-57. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0_3

24. Lu M.T. How Is Patriotism a Virtue? // Proceedings of the American Catholic Philosophical Association. 2020. Vol. 94. P. 119-128. DOI: https://doi.org/10.5840/acpaproc202282133

25. Maksiutov A. National patriotic education is a priority direction of the educational process in extracurricular education institutions // Pedagogy and education management review. 2023. No.3. P. 21-29. DOI: https://doi.org/10.36690/2733-2039-2023-3-21-29

26. Muhammadiev K. B. Patriotic Education of Students through Physical Education and Sports // European Multidisciplinary Journal of Modern Science. 2024. Vol. 26, No.1. P. 47-50. DOI: https://doi.org/10.51699/emjms.v26i1.1104

References:

1. Abbaszade, A. F. (2022). Military-patriotic education of schoolchildren in extracurricular time. *Academic Journalism, 12-2*, 494–502. (In Russian) https://www.elibrary.ru/llgfbn

2. Ahkiyamova, G. R., & Hasanova, A. R. (2023). Perspective directions of patriotic education. *Problems of Modern Pedagogical Education, 79-1,* 19–22. (In Russian) https://www.elibrary.ru/ttyhkh

3. Barabanchikova, V. V., & Ivanova, S. A. (2023). Value orientation "patriotism": Essence, content and assessment of formation. *National Psychological Journal, 4,* 99–112. (In Russian) https://doi.org/10.11621/npj.2023.0409

4. Belyaev, G. Yu. (2022). Civil-patriotic education in the modern world. Nizhny *Novgorod Education, 1,* 4–15. (In Russian) https://www.elibrary.ru/akyunp

5. Bignova, M. R., Danilova, O. A., & Morusova, L. V. (2023). Key aspects of patriotic education: From images to methods. *Science, Education and Culture, 3*(66), 11–20. (In Russian) https://www.elibrary.ru/fhueex

6. Bobyleva, N. Yu. (2025). Cultural heritage as a means of educating patriotism among students. In *Preservation of domestic cultural traditions as the basis for the development of the creative potential of youth: Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp. 186–190). Orel State Institute of Culture. (In Russian) https://www.elibrary.ru/auqkro

7. Bogomolova, A. V., Pikalova, O. S., & Naydenova, E. A. (2024). Formation of civic identity of the young generation: Results of the analysis of focus groups with the pedagogical community. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, 1,* 16–22. (In Russian) https://doi.org/10.24158/spp.2024.1.1

8. Buranok, S. O., & Tokmakova, P. D. (2021). Approaches to the formation of civic identity in the educational process. *Studia Humanitatis, 3,* 6. (In Russian) https://elibrary.ru/mnwhph

9. Dzhagaeva, T. E. (2024). Formation of spiritual and patriotic values of youth in the conditions of the national educational environment — a pedagogical problem. *Economic and Humanitarian Studies of Regions, 6,* 16–20. (In Russian) https://www.elibrary.ru/druzpt

10. Ignatenko, A. N., & Sakun, S. A. (2022). True patriotism and pseudo-patriotism. *Innovative Science, 2–1,* 64–68. (In Russian) https://elibrary.ru/imbrwa

11. Kalinina, S. A., Nikiforova, R. R., & Savandeeva, L. N. (2023). Patriotic education of junior schoolchildren through various types of activities. *Young Scientist, 18*(465), 242–245. (In Russian) https://www.elibrary.ru/eydgcz

12. Makarova, V. A. (2023). The role of folk traditions in the patriotic education of children. *Problems of Modern Pedagogical Education, 79-2,* 258–261. (In Russian) https://www.elibrary.ru/wslkdu

13. Maksimova, E. A., & Filonenko, M. V. (2023). Patriotic education of schoolchildren. *Bulletin of Scientific Conferences, 3-3*(91), 76–78. (In Russian) https://www.elibrary.ru/ejstfu

14. Milkevich, O. A., & Ryabtsev, A. V. (2023). Formation of traditional spiritual and moral values of the individual: Analysis of the problem. *Humanities, 2*(62), 31–36. (In Russian) https://elibrary.ru/twacvl

15. Minazova, V. M., Magomedova, Z. Z., & Ausheva, M. B. (2021). Technologies for the formation of civic identity of adolescents. *Problems of modern pedagogical education, 73-2*, 134–137. (In Russian) https://elibrary.ru/objzpr

16. Mordvinova, E. A. (2023). Axiological approach to the development of software and methodological support for civil-patriotic education of adolescents. *Volga Region Pedagogical Bulletin, 11*(3), 66–77. (In Russian) https://www.elibrary.ru/jordhl

17. Panin, D. Yu. (2021). Education of a citizen-patriot: Theoretical aspect. *Modern Higher School: Innovative Aspect, 13(*4), 49–56. (In Russian) https://doi.org/10.7442/2071-9620-2021-13-4-49-56

18. Sidnev, D. V. (2025). Formation and development of the culture of patriotism: Theoretical approaches and modern interpretations. *Science Herald, 5,* 197–207. (In Russian) https://www.elibrary.ru/jcxyzg

19. Shchigoleva, N. V. (2022). Formation of patriotism as a psychological and pedagogical problem. *Problems of Modern Pedagogical Education, 76-2,* 318–323. (In Russian) https://elibrary.ru/djorvk

20. Austers, I., Dimdins, G., & Priedols, M. (2024). The opposing roles of patriotism and nationalism in explaining trust in a political system. *Social Sciences & Humanities Open, 10,* 1–7. https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2024.101131

21. Bykasova, L., Garmash, S., & Podberezny, V. (2021). Pedagogical education modernization in the university. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 646,* 80–86.

22. Erdogdu, M. Yu. (2022). Roles of achievement, impulse control, gender, and democratic parenting as predictors of friendship quality among students. *Social Psychology and Society, 13*, 174–188. https://elibrary.ru/bxsjnf

23. Houtman, D., & Tromp, P. (2021). The Post-christian spirituality scale (PCSS): Misconceptions, obstacles, prospects. In *A. L. Ai, K. A. Harris, & P. Wink (Eds.), Assessing spirituality in a diverse world* (pp. 35–57). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0_3

24. Lu, M. T. (2020). How is patriotism a virtue? Proceedings of the American catholic *Philosophical Association, 94*, 119–128. https://doi.org/10.5840/acpaproc202282133

25. Maksiutov, A. (2023). National patriotic education is a priority direction of the educational process in extracurricular education institutions. *Pedagogy and Education Management Review, 3, 21*–29. https://doi.org/10.36690/2733-2039-2023-3-21-29

26. Muhammadiev, K. B. (2024). Patriotic education of students through physical education and sports. *European Multidisciplinary Journal of Modern Science, 26*(1), 47–50. https://doi.org/10.51699/emjms.v26i1.1104

Submitted: 17 March 2026 Accepted: 17 April 2026 Published: 17 April 2026